

Скромная польза кустарного труда

С Андреем Битовым беседует
обозреватель «МН» Илья
Дадашидзе.

— Андрей Георгиевич, уславливаясь о встрече, вы предупредили, что о политике говорить не будем. Вам она неинтересна?

— Одна из самых раздражающих меня функций бывшего советского человека, в том числе и меня самого, это стремление рассуждать и судить, вместо того чтобы пытаться сделать что-то. Все эти разговоры — рябь на воде, а вода глубока, как омут.

— Но вы пробовали что-то делать?

— Вообще надо что-то писать как бы. Делать то, что умеешь. Но с писанием трудно. Во-первых, поменялись все точки отсчета, упала печка, от которой нужно плясать. Другая трудность в том, что я впервые в жизни попытался быть практиком, и на меня рухнула эта неожиданная миссия президентства в ПЕН-центре. А поскольку я никогда не был начальником или выборным лицом и всегда полусуществовал — полуподпольно, полугонимо, все навыки у меня внеструктурные и внесоциальные. Только сейчас я могу оценить прелесть и безмятежность прежней свободы. Я привык ощущать зависимость от конкретных вещей, от выполнения того или иного обязательства, написания того или иного текста, и все мои мучения заключались в том, закончен он или нет. Это была скромная польза редкого при социализме кустарного труда. Такое же кустарное отношение оказалось у меня и к общественным обязанностям. ПЕН-центр — занятая организация, похожая на подпольного человека в общественной жизни. Она учредилась как единственная, независимая, международная, в структуру не вписываемая, из воздуха созданная в еще бывшем СССР, когда все стало можно и никто не возражал.

— А сейчас какой вы видите смысл в ее существовании?

— Ныне при ПЕН-центре организовано издательство ППП, что расшифровывается как проза — поэзия — публицистика. Эти трое ворот нам надо пройти, чтобы попытаться решить невозможную задачу — поддержать в какой-то мере текущую литературу. Что-то мы начали делать, стараясь получить деньги, не позорив себя. Есть убогая надежда заманить читателя сериями. Одна из них будет представлять избранное в том минимальном объеме, который может поднять наши издательские возможности. В нее войдет наш почтенный автор — от Астафьева до (если в алфавитном порядке), скажем, Чухонцева. Там будут не только отечественные авторы, но и зарубежные пенклубовские коллеги, так что можно будет судить об уровне друг друга, а это полезная ревизия. В этой серии принцип — живые. От нее отпочковывается следующая серия — классика. Классика, стиль, библиотека стилей. Более снобистская, более научная. Мы намерены расковать и освободить наших классиков от прежнего идеологического плена, от школярских, минпросветовских вериг. Тексты «Горя от ума» и «Героя нашего времени» не переменяются, но им, по крайней мере, должно быть предпослано вольное, свободное и по возможности блестящее эссе современного автора. Иными словами, эта школа классики не должна делать дурака ни из ученика, ни из учителя. И быть доступной и ученику, и учителю.

— Слушая вас, вспоминаю книгу Вайля и Гениса «Родная речь». Вот эссе о русской классической литературе.

— Да, они согласились быть авторами этой серии. Если успеют, конечно, потому что мы торопимся, а они должны переписать свои эссе, поскольку сами пожелали освободиться от излишней расхристанности, чуть-чуть академизироваться: первую свободу обретают ради самой свободы, а не ради предмета...

— У каждого издатели своя философия книжного дела. В чем ваша?

— Книга не просто переплетенный текст. Это продукт культуры. И вот эту книжную культуру хотелось бы поднимать. Сначала нужно научиться издавать дорогую книгу, к которой уже тянется читатель, а потом превращать ее в дешевую. Не делать дешевым дерьмо, а дорогим — золото. В общем, не уничтожать текст.

Вот такие, нормальные уже заботы. Хоте-

Александр КАРЗАНОВ

лось бы иметь собственное издание, и в этом плане что-то вырисовывается по принципу взаимного тяготения. Мы привыкли все делать порознь. А почему бы не образовать семью, не слишком при этом ее расширяя? Есть альманах «Круг чтения», который потенциально мог бы стать органом литературной эссеистики, предназначенным для широкой аудитории, но создаваемым элитарными авторами. Есть журнал «Соло», тоже многострадально себя выпускающий... Мы настроены объединить их в семью. Пока это разорение, все идет тяжело, но какое-то потенциальное здоровье в этом я вижу.

— А ваши собственные литературные дела? Вышел первый том вашего четырехтомного собрания. Что сейчас пишете?

— Это собрание явилось вовремя — отметить, что та жизнь была. Но четырехтомник залег, как и все остальные книги. Что касается «писательства», впервые я принудил себя к этому, тоже с большим страхом — для этого пришлось искать более спокойную обстановку. Я нашел ее в Германии, такой дом творчества, куда ни доехать, ни дойти, ни дозволиться. Закончил вчерне роман, который тянулся, по крайней мере, лет двадцать. Он будет называться вроде бы «Смерть Златоуста». Я вынашиваю вещи подолгу, кажется, они у меня в голове почти готовы, остается записать. Но вышло, что я зависел легкостью исполнения. Потом началась сутолочная жизнь. А вообще вопрос, что пишете, конечно, раздражающий. Человек волен писать или не писать. Он сам спрашивает себя: стоит ли вообще это делать? «Писание» требует высокой органичности, а значит, высокой степени свободы. Я осознал за последнюю зиму, что это не так легко — строить мир, отвлекаясь на текущие дела. Может, высокому профессионалу это и доступно. Но я думаю, что русская литература в своем душевном и лучшем воплощении не вполне профессиональна, чем и хороша: мы хотим продать рукопись, а не вдохновение. Вдохновение сейчас дается трудно. Но все равно, как сказал мне недавно один замечательный педагог: назад неохота.

— Но впереди малопригодный для вдохновения рынок...

— Все-таки Россия — сильная и идеальная в интеллигентском усилении земля. Мне кажется, что ради даже конвертируемой копейки удаться тоже неохота. У нас и дурное наследие, и прекрасное: начнешь делать дело и будешь продолжать его не ради копейки. То, что делается сейчас из-за копейки, копейку и стоит. Мы ждем рынка, а видим базар... Я не знаю, как переплавится он в капитализм русского типа, но думаю, что неодолеваемого у нас ничего не происходит. И даже наши купцы, голодавшие в детстве, битые линейкой, поротые на конюшне, накопив копейки, все-таки покупали живопись.

Недавно мы открывали немецкую выставку, где я увидел книгу, которая показалась мне талмудом, изданным для миллионов. Сначала я разглядывал ее золотой обрез, тисненую кожу переплета, потом открыл и обнаружил, что это псалтырь Тредиаковского. Ну как псалтырь Тредиаковского может быть рентабельным? Дорогие вещи дорого стоят, за них должны платить люди, которые знают им цену. И пока не появятся люди, знающие цену... Но это не значит, что надо ждать, пока это произойдет. Даже в небольшом начинании важен конкретный результат. Это не теория малых дел; это отчаянная практика или практика с отчаяния. Если бы удалось осуществить что-то из наших программ, я бы считал, что мое неквалифицированное посягновение быть практиком завершено.